

ФИЛОСОФИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 6 (72). 2020. № 1. С. 3–13.

УДК 172

ТАКТИКИ (НЕ)НАРУШЕНИЙ НЕГЛАСНЫХ ПРАВИЛ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПОВСЕДНЕВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: ВИРТУОЗ П. ВИРНО, ИРОНИК Р. РОРТИ, ТАКТИК М. СЕРТО

Акулинин В. Н.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Email: akulininvn@gmail.com

Статья посвящена проблеме соблюдения и нарушения негласных правил. В тексте статьи сопоставляются правила, закрепленные в нормативных документах (законах, подзаконных актах) и негласные правила. В отношении негласных правил подчеркивается отсутствие их письменного закрепления, которое бы обязывало их соблюдать. Прописанные нормы, охраняемые силой закона, в этом смысле отличны от норм этики, которые не имеют авторитетного и безоговорочного защитника. Целью статьи, таким образом, является обнаружение таких стратегий нарушения негласных правил, которые бы строились на их двусмысленном характере. Отсутствие четкого определения негласных правил создает пространство для особого режима действия – (не)нарушения. Этот режим характеризуется широтой интерпретации, которая становится возможной благодаря плюрализму точек зрения социальных акторов. Так, в зависимости от актуализации или деактуализации скобок, частица “не” имеет либо смысловую нагрузку (и тогда производится “ненарушение”), либо не имеет ее, тем самым производя “нарушение”. Вопрос актуализации и деактуализации здесь – это вопрос интерпретации статуса спорной ситуации. В статье приводятся три общих тактики режима (не)нарушения. Эти тактики включают в себя риторическое измерение – “говорить” и практическое – “делать”. Тем самым, охватывается общественная практика в основных измерениях интеракций: дискурсивном и практическом. В качестве тактик (не)нарушения выбраны и проанализированы фигуры виртуоза Паоло Вирно, ироника Ричарда Рорти и тактика Мишеля Серто. В функционировании этих фигур обнаруживается логика (не)нарушения. Предложенный в статье концепт (не)нарушения представляется в качестве практического инструмента. Его использование в повседневных практиках может повысить степень адаптивности актора в нестабильной социальной реальности. В качестве аналитического инструмента концепт (не)нарушения может быть использован для анализа широкого спектра социальных практик, в той или иной степени затрагивающих проблему негласных правил.

Ключевые слова: негласные правила, закон, тактики, (не)нарушение.

Интуиция настоящей статьи исходит из обнаружения проблемности понятия негласного правила, регулирующего повседневные социальные взаимодействия, заключающейся в двусмысленности в отношении его действия: соблюдения и нарушения. Отсутствие формального закрепления, то есть укорененности правила

как зафиксированной легальным письмом нормы, приводит к интересному способу соблюдать-и-не-соблюдать их. Соблюдение и не соблюдение негласного правила производятся идентичными способами [1]. Совершается практика, структурированная согласно негласному правилу или же практика, структурированная неконвенционально. Но каким образом при отсутствии легального арбитра две эти практики могут быть различены?

Целью данного исследования является обнаружение таких стратегий действия, которые бы конституировались двусмысленностью негласных правил в отношении того, что значит «соблюсти» или «нарушить» правило. Для достижения этой цели мы проанализируем отношения таких понятий, как закон, норма права, негласное правило. И затем, обратившись к идеям П. Вирно, Р. Рорти и М. Серто, сформулируем стратегии действия, основанные на неоднозначных структурных эффектах исследованных понятий.

Разбирая далее такие понятия, как закон, норма права, негласное правило, мы будем исходить из конвенциональной трактовки этих понятий, представленных, в частности, в работах К. Шмитта [2]. Под легальным арбитром понимается механизм по установке правила, наблюдению за их соблюдением и наказанию за нарушение. Такой механизм может быть обозначен понятием закона. Установленные законом правила обязательны для исполнения. Незнание закона или несогласие с ним не освобождает нарушителя от ответственности (даже если нарушивший правила актер считает нелегитимным законотворческий аппарат). Таким образом, правило не может быть не легальным, но может быть не легитимным. Правило обязательно должно быть соблюдено, если актер вовлечен в те или иные регулируемые правилами нормы на той или иной территории, подпадающей под юрисдикцию данных правил, если актер не желает принимать на себя риски, следующие из не соблюдения правила. Иными словами, игрок должен соблюдать правила игры, если хочет в нее играть.

Так выглядит общая логика практик, регулирующихся законом. Кратко суммируем ее. Несогласный с правилом актер действует либо:

- легально, жертвуя своим мнением о правиле в пользу возможности корректного участия в практике;
- нелегально, то есть нарушая правило, имея в виду возможность санкций (если актер совершает нарушение, сознавая, что совершает нарушение) и не имея представления о потенциальных санкциях (если актер совершает нарушение, не зная закона, то есть не сознавая свое действие как действие неправомерное)

Однако совершенно иной представляется логика повседневных социальных практик, регламентированных негласными правилами. В случае соблюдения негласного правила, никакие негласные санкции не наступают, здесь действие негласного правила и закона симметрично. Однако в случае нарушения негласного правила санкции могут, как наступить, так и не наступить. Каким образом становится возможной эта асимметрия в отношении санкций законных и негласных?

Подступить к ответу на обозначенный вопрос можно через семантический анализ понятия правомерности. Измерять, мерить правом. Исходить из правовой нормы. То есть отсылаться к чему-то, к некоему истоку, точке отсчета. Сопоставлять

совершенное действие и описание действия такого типа. Измерение правом – это уровень маркировки, ниже которого отсутствует какая-либо позитивность для определения сложившейся практики, совершенного действия. Правомерная практика предлагает себя для позитивного анализа. Рассуждения о такой практике на каком-то витке углубления достигнут дна – формулировки легальной нормы в том или ином документе, легальный авторитет которого (на момент анализа практики) достоверен. В общем виде эта логика повторяет нормативистский тип юридического мышления, предложенный Карлом Шмиттом [2, с. 307-357].

Но если мы имеем в виду практику иного рода, которую нельзя измерить правом? Если речь ведется о практиках, регламентируемых повседневными негласными правилами? Например, о движении пешеходов по тротуарам, правилах этикета в организациях или общественном транспорте, пользовании общественными автоматами. Иными словами, обо всем широким спектре повседневных практик и их регламентаций, изученных в этом аспекте И. Гофманом [3; 4; 5]. Углубляясь к смысловым основаниям таких практик, в какой-то момент мы можем прийти к пласту «традиция» (так положено делать, потому что так делали раньше), и это будет довольно твердый пласт, однако и этот пласт, и прочие пласты, например, пласт «истинности», «справедливости», «целесообразности» практики в современном мире подвергаются эрозии вопроса для кого именно? с какой именно точки зрения? Болтански и Тевено показали в своем исследовании [6], что одна только справедливость может насчитывать несколько измерений.

Разумно поставить вопрос о том, с чьей точки зрения высказывается мнение, например о традиции: с точки зрения актора, который был воспитан в рамках традиции, или актора, который о такой традиции не слышал (например, проблема этоса социальных миров [7])? Актора, который считает такую традицию правильной, или актора, считающего его неправильной (например, проблема морального плюрализма [8]). Подобные этим вопросы могут ставиться с позиции краха великих нарративов Жана-Франсуа Лиотара [9] и обращены к центрам больших агломератов смысла, вокруг которых выстраивалась цельная и связанная система различения.

Таким образом, обсуждение вопроса обнаруживает себя в условиях плюральности мнений, являющейся легальной и легитимной в большинстве развитых стран современного мира. Происходит нечто похожее на поиск соответствия практики и регулирующей ее правовой нормы. В первом случае мы сопоставляем совершенное действие определенного типа с дескрипцией действия такого типа, закрепленного в законе. Во втором случае мы сопоставляем совершенное действие определенного типа с конвенциональным описанием действия такого типа. И если в первом случае при противоположных мнениях о совершенном действии мы можем сослаться на легальный текст, то во втором случае обнаружение безоговорочного авторитетного основания для того или иного действия, совершенного тем или иным образом, становится проблематичным.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой перспективизма. В этой связи может быть поставлен ключевой вопрос перспективистской философии Ницше: кто говорит? [10; 11]. Схожим образом выстраивается мысль Лейбница: о какой точке зрения на мир

мы говорим? [12]. Одно из аксиоматических положений философии перспективизма: перспективы с разных точек зрения – это разные перспективы позволяет нам указать на невозможность редукции нескольких точек зрения к одной. И если в отношении нормы права мы можем говорить о существовании только одной правильной точки зрения (правомерной) и множестве неправильных (неправомерные), то при рассмотрении негласных правил мы не можем быть столь категоричными, ведь нам не на чем основать свою уверенность. В отношении правил, охраняемых законами, соблюдение и нарушение различается качественно. Соблюдение и несоблюдение негласных правил отличия в качестве не имеют. Все различия, какие могут быть найдены – это различия топологические: точки зрения расположены в разных местах, что является перифразой плюральности мнений.

Как в таком случае актер, который полагает для себя возможным мышление о повседневных практиках с таких позиций, может верить другому актеру, указывающему на неконвенциональность его действия, которое он считает конвенциональным? Как такой актер может не испытывать сомнений в позиции другого актера и даже в своей позиции? Постоянно возникают новые и новые вопросы.

В этом плане текст настоящей статьи и разрабатываемая проблема производятся схожим образом: требует разрешения некоторая проблема, но в отсутствии четких границ, она постоянно переопределяется. Текучесть, ускользание от четкой фиксации направляет к поиску нового концепта, который бы заместил «правомерность». Необходим иной способ измерения для того, чтобы можно было разобраться в ситуации, складывающейся в условиях плюрализма мнений и релятивности. Это связано с проблематизацией практик, в данном случае способа практиковать: каким образом можно сделать это или то? Можно, то есть допустимо. Обсуждаемому здесь актеру, желающему совершить практику неконвенционально (в данном случае не рассматривается вопрос о мотивации неконвенционального прочтения практики) нужно пройти по тонкой линии между своим видением практики, отличным от видения конвенционального, и формальным их соблюдением, чтобы избежать своей дисквалификации из поля социальных практик, регламентируемых негласными правилами.

Здесь мы подходим вплотную к вопросу об отношении нарушения и соблюдения негласного правила. И если в отношении закона соблюдение и нарушение четко разделены благодаря имеющемуся легальному тексту, в котором и то и то определено, в отношении негласного правила четкая фиксация нарушения и соблюдения отсутствует. Соблюдение и нарушение имеют подвижные границы, которые могут приводиться в движение посредством конфликта интерпретаций произведенной практики, которая затронула/включила в себя двух или более актеров. Соблюдение и нарушение коллапсируют друг в друга, преобразуясь в (не)нарушение.

Это динамический концепт, который в зависимости от расстановки сил в конфликте интерпретаций изменяет его значение. Если более интенсивной оказывается оппортунистическая интерпретация практики, то она растворяет скобки, в которые заключена отрицательная частица “не”, тем самым производя

ненарушение. Отметим, что ненарушение не равно соблюдению. Ненарушение – это промежуточный элемент между соблюдением правила и его нарушением. Это инструмент для оперирования “серыми” ситуациями, то есть теми, которые не есть “белые” или “черные”. Если же более интенсивной оказывается интерпретация конвенциональная, скобки поглощают отрицательную частицу “не”, производя нарушение.

Актуализация и деактуализация скобок зависит от интенсивности маркеров противоположных сторон. Именно наличие более или менее удачных маркеров выполняет функцию означивания действия (как пронизательно заметили Делез и Гваттари, «именно метка создает территорию» [13, с. 525]), которую в отношении закона выполняет соответствие норме. Следовательно, необходимо продумать ненасильственные тактики, которые могут быть использованы актором, сознательно нарушающим негласное правило и стремящимся к размыванию границ нарушения, его переопределению как (не)нарушения.

В статье будут рассмотрены три наиболее общие риторические и практические тактики. Из текстов Паоло Вирно «Грамматика множества. К анализу форм современной жизни» [14], Ричарда Рорти «Случайность, ирония и солидарность» [15] и Мишеля Серто «Изобретение повседневности. Искусство делать» [16] мы эксплицировали тактики (не)нарушений. Для исследования были выбраны именно эти тексты, поскольку они позволяют охватить общий спектр практик: риторические (говорить) и практические (делать), а также по причине сходства текстов в отношении растворения границ между соблюдением и нарушением правила. Ни в одном из текстов не развиваются радикально оппортунистические программы мышления, говорения или действия, но и не предлагаются сугубо конвенциональные ходы. Все три текста имеют потенциал (не)нарушения, что и делает их особенно интересными для данной работы.

В тексте «Грамматика множества. К анализу форм современной жизни» Паоло Вирно формулирует фигуру виртуоза. По Вирно, «виртуоз – это тот, кто производит нечто неотличимое и неотделимое от самого акта производства» [14, с. 114]. Виртуоз – это артист-исполнитель (пианист, танцор, оратор, учитель, проповедник [14, с. 52]). Для нас наиболее важным является то, что артист-исполнитель не производит никакого конечного материального продукта, он производит некий процесс, в ходе которого практика, исполняемая виртуозом, преломляется через его индивидуальность (например, одну и ту же роль разные актеры могут сыграть по-разному). Виртуоз вовлечен в созидание себя, и здесь обнаруживается его актуальное и потенциальное, что отмечает Н. Сосна [17, с. 70]. Он производит себя в практике, в которую в настоящий момент вовлечен, и сама практика, совершенная таким-то образом, неотделима от того, кто ее произвел. Виртуоз инвестирует себя в практику. Так, исполняемая пианистом партитура, в своем звучании сейчас неотделима от пианиста. Виртуоз исполняет тот или иной номер. Исполняет номер, то есть позволяет номеру состояться через себя.

Рассмотрим интерпретатора как виртуоза, процесс интерпретации как исполняемый номер. «По определению, виртуоз – это любой говорящий. Но,

говорящий безотсылочно, или, точнее, говорящий, который не отражает в своей речи то или иное положение вещей, но устанавливает его с помощью собственных слов» [14, с. 52]. Важно то, что виртуоз (интерпретатор) не исходит из чего-то, а создает точку исхода. Он открывает новую землю и водружает на ней свой флаг [13, с. 527]. И начинает исследовать эту новую землю (представлять ее в своем говорении). Эта земля такая же земля, как и другие земли, и это дает первооткрывателю возможность исследовать ее так, как вообще исследуется земля. И в то же время интерпретация в данном случае уже не инструмент по оперированию с уже специфически имеющимся до начала процесса интерпретации (с уже открытыми конкретными землями), а создание нового (открытие новой земли, расположение на этой новой земле и говорение с нее).

Актор, которому ставится в упрек несоблюдение негласного правила, может сказать: простите, но я имел в виду нечто совершенно другое тому, о чем говорите вы. Судя по всему, я чувствовал под ногами другую землю, нежели вы. Ирвинг Гофман в «Поведении в публичных местах» отмечает эту уловку: «индивид ... может отрицать, что имел в виду то, что показалось окружающим» [5, с. 71-72].

Появляется альтернативный маршрут, по которому виртуоз пытается увлечь оппонента. Он пытается изъять из обращения невыгодный для себя нарратив и заменить его выгодным. Он пытается установить новое пространство разговора посредством трансформации языковой игры. Теперь разговор ведется минимум о двух точках, из которых исходят несогласные друг с другом акторы.

Виртуоз ослабляет мышление [18], тем самым противясь установлению «сильной, единой, истинной реальности» [18, с. 114]. С помощью своего говорения виртуоз преобразует пространство разговора и переводит предполагаемое оппонентом нарушение негласного правила в статус (не)нарушения. Ведь оппонент не имеет возможности показать, что его интерпретация негласного правила (например, ссылка на конвенциональность правила: так принято делать, это общеизвестно) опирается на что-то более твердое, нежели интерпретация виртуоза (кем принято, кому именно известно?). Открыв новую землю, виртуоз вопрошает оппонента, почему он не может располагаться на этой земле на тех же общих условиях, что и он. Виртуоз ввергает своего визави в игру переописаний, в основании которой отсутствуют аргументы, безоговорочность которых нельзя было бы дискредитировать посредством релятивизации.

Фигура ироника Ричарда Рорти, предложенная в работе «Случайность, ирония и солидарность», действует схожим образом. Ироник с новой силой бьет по здравому смыслу [15, с. 104] оппонента, стремящегося оперировать четкими понятиями нарушения и соблюдения правила. Виртуоз сумел запустить игру разговора. Он также актуализировал понятие интерпретации, указал на плюральность и релятивизм в отношении мнений в современном светском обществе. В этом виртуоз был вполне корректен и проявил себя, как минимум, не как догматик, оставив за оппонентом право развивать свою логику. Ироник же избрал более радикальный путь – путь шпиона.

Он готов допустить, что действовал неверно. Может быть, его словарь оказался

проигрышным и оппонент прав. Ироник «никогда не способен принимать себя всерьез» [15, с. 104] из-за шаткости своего словаря. Он не может быть уверен в том, что земля, которую открыл виртуоз, действительно земля новая. Может быть, она не отличается от уже открытых земель...

И вот уже ироник на территории противника, его внедрение в нарратив оппонента удалось. Он готов играть в языковую игру оппонента до определенного момента, соглашается с тем, что мог совершить нарушение, но мог его и не совершать – он не уверен. Он колеблется и не может определиться, вроде бы соглашается с оппонентом (принимает интерпретацию другой стороны), но в таком ироничном принятии не все так однозначно. Остается некая двусмысленность: его согласие может быть исполнено иронии или даже сарказма, что означает, что его согласие по существу таковым не является. Его согласие с оппонентом – это пустая форма.

Он – двойной агент, он – шпион. Внедрившись в языковую игру оппонента, он следует ее правилам до того момента, пока не сможет девальвировать ее с помощью иронии или сарказма. Позицию ироника трудно атаковать, потому что она подвижна. Она ускользает от фиксаций, каждая попытка маркировать позицию ироника – это сизифов труд (ироник согласился, но его соглашение может оказаться тонкой, иронической формой несогласия). Такие маркировки могут поочередно сменять друг друга, поскольку каждый раз ироник будет приспосабливаться к новой языковой игре, менять словарь. Выдавать камуфляж за истинное лицо – вот способ действия ироника-шпиона. В этой связи, представляется актуальным тезис Е. Гужа: «принцип иронии в современном обществе представляет собой некоторый универсальный подход в мировоззрении» [20, с.115].

И, даже если интерпретация оппонента очень хороша, и, казалось бы, вот-вот заставит ироника капитулировать, он ускользает с помощью своей иронии. Возвращаясь с вражеской территории к своим, которые могли поверить его словарю, использовавшемуся на территории оппонента (имитировав словарь оппонента), он может переписать произошедшее «в своих собственных терминах так, чтобы оказаться в состоянии сказать: “так я и хотел”» [15, с. 132]. Отсутствие определенной точки отсчета позволяет иронику быть подвижным и исходить не из имеющейся стратегии (действовать в предполагаемой ситуации таким-то образом), а из тактики (действовать по ситуации, в своих интересах).

Такой способ действия представлен в работе Мишеля Серто «Изобретение повседневности. Искусство делать» в фигуре тактика. Тактику по Серто «необходимо постоянно манипулировать событиями, чтобы создавать из них “благоприятные случаи”» [16, с. 50]. В этом тактик следует пути, намеченному иронику.

Особенность этой фигуры в том, что она работает в условиях чужого места. Оказавшись в ситуации, которая развивается непредвиденным образом, тактик ищет варианты действия по ситуации. И если ироник обладает риторической ситуативной логикой, то тактик обладает практической ситуативной логикой. Уметь использовать то, что находится под рукой [16, с. 51], «схватить на лету выгодный момент» [16, с. 50] – вот отличительная черта тактика. Отсутствие детального плана действий позволяет тактику быть пластичным. Он не связан проекциями стратегии. Он не

ожидает найти что-то определенное и так, а не иначе эту определенность освоить. Он готов довольствоваться малым и работать в ситуации, характеристиками которой являются вероятностность и неопределенность. Кредо тактика: разберемся на месте.

Фигура, предлагаемая Серто, близка фигуре бриколера Леви-Строса: «бриколер – это тот, кто творит сам, самостоятельно используя подручные средства в отличие от средств, используемыми специалистами» [20, с. 168]. Бриколер нарушает правила использования инструментов, он использует средства не по назначению. Тактик делает нечто похожее в отношении социальных практик [16, с. 52-55]. Если тактику нужно интегрироваться в социальную практику, он не будет против войти в нее с черного хода. Он готов пренебречь правилом, предписывающим определенный способ вхождения: через парадный вход, если результат – оказаться внутри – может быть достигнут в обход такого незначительного правила, как правило входа через определенную дверь. Обе двери могут иметь различный церемониальный или даже функциональный потенциал (например, парадная дверь может быть не приспособлена для проноса крупногабаритных предметов), но для конкретного действия, интересующего тактика в настоящий момент – оказаться внутри – пропускной функционал дверей не различается.

Тактик использует лазейки и слепые пятна в структуре практик, чтобы срезать углы. Он пользуется несоответствиями между социальными практиками и их идеальными дескрипциями. Он проскальзывает в дверь, которой нет на идеальном плане практик, но которую пришлось прорубить по ходу реальных действий акторов. Тактик переописывает ситуацию, но уже не на словах, как виртуоз или ироник, а на практике.

Итак, виртуоз (не)нарушает правило, потому что прибегает к инструменту интерпретации, являющемуся конвенциональным в ситуациях, регламентируемых негласными правилами. Ироник (не)нарушает правила, поскольку может не солидаризироваться стратегически ни с одной из позиций, он постоянно переописывает, меняет словари, что также допустимо в отношении ситуаций, регламентируемых негласными правилами. Тактик (не)нарушает правила, поскольку использует предметы и практики не по назначению, однако, не нарушая формальных правил (используя слепые пятна и двусмысленности в описании функционала предметов и практик), пересоздает пространство социальной практики так, как требует того актуальное видение ситуации, в которую он вовлечен.

Виртуоз, ироник и тактик – это способы переопределения нарушения/соблюдения в пользу (не)нарушения. Эти способы говорить и делать работают в социальном пространстве, характеристиками которого являются плюральность, релятивизм, неопределенность, вероятностность. На наш взгляд, это одни из самых важных характеристик современного светского общества, с которыми в первую очередь стоит соотноситься при выборе того или иного образа действия.

Сфера применения рассмотренных тактик – повседневные социальные практики, регламентируемые негласными правилами (что удостоверяет незначительность таких практик, в противном случае они оказались бы в пространстве практик, регламентируемых законом), представляется подходящей для размывания четких

границ между нарушением и соблюдением негласных правил ввиду отсутствия их фиксации посредством легального письма. В существовании таких правил не приходится сомневаться. Их действие можно обнаружить в повседневных практиках. Но можно усомниться в том, что эти правила органичны (с точки зрения актора) ситуациям, в которые вовлекается актер. Все же, правила существуют до ситуации, в которых они могут применены. Это существование “до” позволяет поставить вопрос о корректности таких правил. Если событие еще не произошло, как мы можем упорядочить его с помощью правила?

Виртуоз, ироник и тактик пластичны. Они имеют пространство для маневра. Ситуативность этих способов действовать позволяет осваивать социальное пространство более органично (для актора, который подвергает ситуацию анализу): исходить из складывающейся в-этот-момент-ситуации. Не затвердевшая, пластичная ситуация, которая может в любой момент измениться, нуждается в таком же пластичном способе прочтения. Неустойчивость ситуаций такого типа позволяет переопределять их как ситуации (не)нарушения с пульсирующей интенсивностью скобков, актуализирующих, либо деактуализирующих частицу “не”.

Список литературы

1. Гельфанд М. Почему им можно, а нам нельзя? Откуда берутся социальные нормы / М. Гельфанд; пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 298 с.
2. Шмитт К. Государство: право и политика / К. Шмитт; пер. с нем. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. – 446 с.
3. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман; пер. с англ. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
4. Гофман И. Поведение в публичных местах / И. Гофман; пер. с англ. – М.: Элементарные формы, 2017. – 382 с.
5. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; пер. с англ. – М.: Канон-пресс, Кучково поле, 2000. – 304 с.
6. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерк социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено; пер. с фр. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 576 с.
7. Павлов А. П. Этосы социальных миров // Вестник Вятского государственного университета. Серия: Философские науки. – 2017. – №8. – С. 17 – 23.
8. Максимов Л. В. Мораль в единственном числе // Этическая мысль. – 2014. – №14. С. 5 – 24.
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 1998. – 161 с.
10. Ницше Ф. Воля к власти / Ф. Ницше; пер. с нем. – М.: Эксмо, 2017. – 608 с.
11. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: прелюдия к философии будущего; К генеалогии морали: полемическое сочинение / Ф. Ницше; пер. с нем. – М.: Академический проект, 2007. – 396 с.
12. Лейбниц Г.-В. Собрание сочинений в 4-х томах / Г. Лейбниц; пер. с нем. – М.: Издательство мысль, 1982. – Т.1. Монадология. – 636 с.
13. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с фр. – М.: Астрель, 2010. – 895 с.
14. Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни / П. Вирно; пер. с ит. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 176 с.
15. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Р. Рорти; пер. с англ. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 280 с.
16. Серто М. Изобретение повседневности. Искусство делать / М. Серто; пер. с фр. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.

17. Сосна Н. Н. Потенциально «Человеческое»: Вирно и медиальное // *Философский журнал*. 2013. №1(10). С. 64 – 75.
18. Ваттимо Дж. *Прозрачное общество* / Дж. Ваттимо; пер. с ит. – М.: Издательство Логос, 2002. – 128 с.
19. Гужа Е.А. Ирония в концепции неопрагматизма Ричарда Рорти // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2015. №2. С. 111 – 120.
20. Леви-Стросс К. *Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль* / К. Леви-Стросс; пер. с фр. – М.: Академический Проект, 2008. – 520 с.

Akulinin V. N. Tactics of (not)Violation Unspoken Rules Governing Everyday Social Practice: the Virtuoso P. Virno, the Ironist R. Rorty, the Tactics M. Certeau // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 1. – P. 3–13.

The article is devoted to the issue of compliance and violation of unspoken rules. The text of the article compares the rules enshrined in regulatory documents (laws, by-laws) and unspoken rules. With regard to unwritten rules, the absence of their written confirmation, which would oblige them to comply, is emphasized. The prescribed norms, protected by the force of law, in this sense are different from ethical standards, which do not have an authoritative and unconditional advocate. The aim of the article, therefore, is to discover such strategies for breaking unspoken rules that would be based on their ambiguous nature.

The lack of a clear definition of unspoken rules creates space for a special regime of action - (non)violation. This mode is characterized by the breadth of interpretation, which becomes possible due to the pluralism of points of view of social actors. So, depending on the actualization or deactivation of the brackets, the “not” particle has either a semantic load (and then “non-violation”), or does not have it, thereby producing a “violation”. The issue of updating and deactualization here is a question of interpreting the status of a controversial situation.

The article gives three general tactics of the regime of (non)violation. These tactics include the rhetorical dimension of “speaking” and the practical dimension of “doing”. Thus, public practice is covered in the main dimensions of interactions: discursive and practical. The figures of virtuoso Paolo Virno, the ironic of Richard Rorty and the tactics of Michel Serto were selected and analyzed as tactics of (non)violation. The functioning of these figures reveals the logic of (non)violation.

The concept of (non) violation proposed in the article is presented as a practical tool. Its use in everyday practice can increase the degree of adaptability of an actor in an unstable social reality. As an analytical tool, the concept of (non)violation can be used to analyze a wide range of social practices that to some extent affect the issue of unwritten rules.

Keywords: unspoken rules, law, tactics, (non)violation.

References

1. Gelfand M. *Pochemu im mozno, a nam nelzja? Otkuda berutsa socialnie normi [Why Can They, but Not Us? Where Do Social Norms Come from?]*. Trans. Fromeng. Moscow, Alpina Publisher, 2019, 298 p.
2. Shmitt K. *Gosudarstvo: pravo i politika [State: Law and Politics]*. Transl. From germ. Moscow, Publishing House Territory of the Future, 2013, 446 p.
3. Hoffman I. *Analiz freymov: esse ob oranzacii povsednevnogo opita [Analysis of Frames: an Essay on the Organization of Everyday Experience]*. Transl. from eng. Moscow, Institute of Sociology RAS, 2003, 752 p.
4. Hoffman I. *Povedenie v publichnikh mestah [Behavior in Public Places]*. Transl. from eng. Moscow, Elementary forms, 2017, 382 p.
5. Hoffman I. *Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoi zhizni [Introducing Oneself to Others in Everyday Life]*. Transl. from eng. Moscow. Canon Press, Kuchkovo Field, 2000, 304 p.

*Тактики (не)нарушений негласных правил, регламентирующих
повседневные социальные практики: виртуоз П. Вирно, ироник Р. Рорти,
тактик М. Серто*

6. Boltanski L., Theveno L. Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Oчерk sociologii gradov [Criticism and Justification of Justice: An Essay on the Sociology of Grads]. Transl. from fr. Moscow, New Literary Review, 2013, 576 p.
7. Pavlov A.P. Etos socialnih mirov [Ethos of the Social Worlds]. Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Vyatka State University]. 2017, №8, p. 17–23.
8. Maksimov L.V. Moral v edinstvennom chisle [Moral in the singular]. Eticheskaja misl [Ethical Thought]. 2014, №14, p. 5 – 24.
9. Liotar J.-F. Sostoyanie postmoderna [The Postmodern Condition]. Transl. from fr. St. Petersburg, Aleteya, 1998, 160 p.
10. Nietzsche F. Volja k vlasti [The Will to Power]. Transl. from germ. Moscow, Eksmo, 2017, 608 p.
11. Nietzsche F. Po tu storonu dobra i zla: preludija k filosofii budushego; K genealogii morali: polemicheskoe sochinenie [On the Other Side of Good and Evil: a Prelude to the Philosophy of the Future; To the Genealogy of Morality: a Polemical Essay]. Transl. from germ. Moscow, Academic project, 2007, 396 p.
12. Leibniz G.-V. Sобрание sochinenij v 4 tomah [Collected works in 4 Volumes]. Trans. from germ. Moscow, Publishing House Thought, 1982, Vol. 1, Monadology, 636 p.
13. Deleuze J., Guattari F. Tisjacha plato: Kapitalizm i shizofrenija [The Thousand Plateau: Capitalism and Schizophrenia]. Transl. from fr. Moscow, Astrel, 2010, 895 p.
14. Virno P. Grammatika mnozhestva. K analizu form sovremennoj zhizni [Grammar of Plurality. To the Analysis of the Forms of Modern Life]. Transl. from fr. Moscow, Ad Marginem Press, 2013, 176 p.
15. Rorty R. Sluchajnost, ironija, solidarnost [Chance, Irony and Solidarity]. Transl. from eng. Moscow, Russian Phenomenological Society, 1996, 280 p.
16. Serto M. Izobretenie povsednevnosti. Iskusstvo delat [The Invention of Everyday Life. Art to Do]. Trans. from fr. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Press, 2013, 330 p.
17. Sosna N. N. Potencialno «chelovecheskoe»: Virno I medialnoe [Potentially “Human”: Virno and Medial]. Filosofskiy zhurnal [Philosophical Journal]. 2013, №1 (10), p. 64-75.
18. Vattimo J. Prozrachnoe obshestvo [Transparent Society]. Transl. from it. Moscow, Logos Press, 2002, 128 p.
19. Guja E.A. Ironija v koncepcii neopragmatizma Richarda Rorti [The Irony in the Concept of Neopragmatism by Richard Rorty]. Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. 2015, №2. p. 111-120.
20. Levi-Strauss K. Totemism segodnja. Nepriruchennaja misl [Totemism Today. Untapped Thought]. Transl. from fr. Moscow, Academic Project, 2008, 520 p.